КНИГА ЗА КНИГОЙ

Л. КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

ЗОЯ

Л. Космодемьянская

ЗОЯ

ДЕТГИЗ ~ 1951

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Л. КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

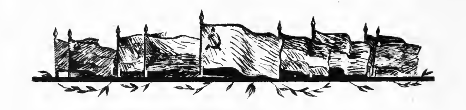
ЗОЯ

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1951 Ленинград

В 1950 году вышла книга Л. Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре», в которой она рассказывает о жизни своих детей, Зои и Шуры, отдавших свою жизнь за Родину в годы Великой Отечественной войны и удостоенных звания Героев Советского Союза. В книгу «Зоя» вошли отдельные главы из этой повести, обработанные для детей младшего и среднего школьного возраста. Литературная обработка Ф. Вигдоровой.

Просьба отзывы о книге присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

В ШКОЛЕ

Зоя училась очень хорошо, хотя многие предметы давались ей с трудом. Над математикой и физикой она просиживала иногда до глубокой ночи и ни за что не хотела, чтобы брат Шура ей помог.

Сколько раз бывало: вечер, Шура давно приготовил уроки, а Зоя всё ещё за столом.

— Ты что делаешь?

— Алгебру. Задача не получается.

— Дай я тебе покажу.

— Нет, я сама додумаюсь.

Проходит полчаса, час.

— Я иду спать! — сердито говорит Шура. — Вот решение. Смотри, я кладу сюда.

Зоя даже не поворачивает головы. Шура, с досады махнув рукой, укладывается спать. Зоя сидит долго. Если её одолевает сон, она споласкивает лицо холодной водой и снова садится к столу. Решение задачи рядом, стоит только руку протянуть, но Зоя не глядит в ту сторону.

На другой день она получает по математике «отлично», и это никого в классе не удивляет. Но мы-то с Шурой знаем, чего ей стоило это «отлично».

— Зоя, ты почему такая хмурая?

— Получила «отлично» по химии, — нехотя отвечает Зоя.

На моём лице изумление, а Шура не выдерживает и громко хохочет.

Зоя опускает подбородок в ладони и переводит невесёлые, потемневшие глаза с Шуры на меня.

— Ну да, — говорит она. — Никакой радости мне это «отлично» не доставило. Я ходила-ходила, думала-думала, потом подошла к Вере Александровне и говорю: «Я ваш предмет на «отлично» не знаю». А она посмотрела на меня и отвечает: «Раз вы так говорите, значит будете знать. Будем считать, что «отлично» я вам поставила авансом».

— И уж, наверно, подумала, что ты притворяешься! — сердито говорит Шура.

— Нет, она так не подумала! — Зоя резко выпрямляется, горячий румянец заливает её щёки.

...В тот же вечер, когда Зоя зачем-то ушла из дому, Шура опять заговорил о происшествии с отметкой по химии:

— Ты пойми, мам. Зоя иной раз поступает так, что никто не может этого понять. Вот с этой отметкой. Ведь любой в классе был бы рад получить «отлично», и никто бы даже не подумал рассуждать, заслуженное оно или незаслуженное. А Зоя какая-то уж через меру строгая. Или вот, смотри: на-днях Борька Фоменков написал сочинение — хорошее, умное. Но он знает: у него всегда много ошибок. Так он взял и написал в конце: «Без грамматических ошибок я русской речи не

люблю». Все смеялись, а Зоя осуждала. Это, говорит, его работа, его дело, и тут не место шуткам... Или тоже вчера — ты даже не знаешь, какой шум поднялся в классе! Был диктант. Одна девочка спрашивает у Зои, как пишется: «в течение» или «в течении». И Зоя ей не ответила, ты подумай только! В переменку весь класс разделился — половина на половину — и чуть не в драку: одни кричат, что Зойка плохой товарищ, другие — что она принципиальная...

— А ты что кричал?

— Я-то молчал... На её месте я бы никогда не отказал товарищу.

С минуту мы оба молчали. Конечно, я знала, что ему сказать, но надо было найти какие-то самые убедительные слова.

— Послушай, Шура, — заговорила я: — когда у Зои не выходит задача, а у тебя всё уже давно решено, Зоя просит тебя помочь ей?

— Нет, не просит.

— Помнишь, как она раз просидела до четырёх часов утра, а всё-таки сама решила ту запутанную задачу по алгебре?

— Помню.

— Я думаю, что человек, который так требовательно, строго относится к самому себе, имеет право требовательно относиться и к другим.

— Ну да, некоторые ребята тоже так говорили, что, мол, Зоя прямой человек и говорит то, что думает. Вот Петька сказал так: «Если я не понимаю, она мне всегда всё объясняет, никогда не отказывается, а во время контрольной это нечестно». Но всё-таки...

— Что же «всё-таки»?

— Всё-таки это не по-товарищески!

— Знаешь, Шура, если бы Зоя отказывалась помочь, объяснить — вот это было бы не по-товарищески. А отказать в подсказке — по-моему, это и есть товарищеский поступок. Прямой и честный. И не всякий на это способен.

Я видела, что мои слова не убедили Шуру. Он долго ещё стоял у окна, не читая листал книгу, и я понимала, что спор с самим собой продолжается.

„САМО СОБОЙ РАЗУМЕЕТСЯ...“

Летом 1938 года Зоя стала готовиться к вступлению в комсомол. Она достала устав, снова и снова читала его, а потом Шура проверял, всё ли она запомнила и усвоила.

Потом, помню, Зоя писала автобиографию — вся она уместилась на одной страничке, и Зоя очень сокрушалась.

— Совсем не о чем писать, — повторяла она. — Ну, родилась, ну, поступила в школу, ну, учусь... А что сделала? Ничего!

Осенью, когда начались занятия, Шура сказал мне:

— Теперь я вижу, что наши ребята уважают Зою. Там ещё некоторые готовятся в комсомол, так они всё время к ней: объясни, да расскажи, да как это понять. И потом, комитет комсомола дал ей такую характеристику, как никому. На общем собрании было очень торжественно. Зоя вышла, рассказала биографию, потом ей задавали всякие вопросы, а потом стали обсуждать кандидатуру. И все, ну просто в один голос, говорили: честная, прямая, хороший

Зоя Космодемьянская в 1937 году

товарищ, всю общественную работу выполняла, отстающим помогает...

В решительный день Шура волновался, по-моему, не меньше, чем сама Зоя. Не помню, когда ещё я видела его таким.

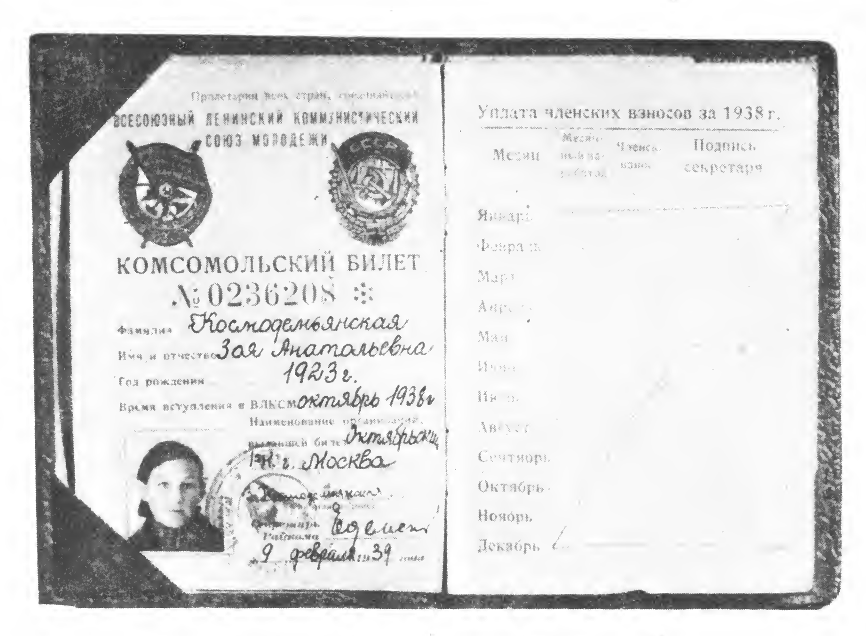
Он ждал Зою у райкома. Поступавших в тот вечер было много, а Зою вызвали одной из последних. «Едва дождался!» рассказывал он после.

Я тоже не могла дождаться. То и дело смотрела в окно — не идут ли они, но за окном сгустилась иссиня-чёрная безлунная тьма, и в ней ничего нельзя было различить. Тогда я вышла на улицу и медленно пошла в ту сторону, откуда должны были притти ребята. Не успела я сделать нескольких шагов, как они налетели на меня — задыхающиеся, возбуждённые.

— Приняли! Приняли! На все вопросы ответила! — кричали они наперебой.

Мы снова поднялись к себе, и Зоя, раскрасневшаяся, счастливая, стала рассказывать всё, как было:

— Секретарь райкома такой молодой, весёлый. Задавал много вопросов: что такое комсомол, потом про события в Испании. А подконец он говорит: «А что самое важное в уставе, как по-твоему?» Я подумала и говорю: «Самое главное — комсомолец должен быть готовым отдать Родине все свои силы, а если нужно — и жизнь». Ведь правда же это самое главное? Тогда он и говорит: «Ну, а хорошо учиться, выполнять комсомольские поручения?» Я удивилась и отвечаю: «Ну, это само собой разумеется». Тогда он отдёрнул занавеску, показал на небо и говорит: «Что там?» Я опять удивилась, отвечаю: «Ничего нет». — «А видишь, — говорит, — сколько звёзд? Красиво? Ты их даже не заметила сразу, и всё потому, что они сами собой разумеются. И ещё одно запомни: всё большое и хоро-

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 0236208

Фамилия Космодемьянская

Имя и отчество Зоя Анатольевна

Год рождения 1923 г.

Время вступления в ВЛКСМ октябрь 1938 г.

Наименование организации, выдавшей билет Октябрьск. РК г. Москва

Секретарь Райкома

9 февраля 1939 года

Уплата членских взносов за 1938 г.

Месяц	Месячный заработок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март			
Апрель			
Май			
Июнь			
Июль			
Август			
Сентябрь			
Октябрь			
Ноябрь			
Декабрь			

Комсомольский билет Зои Космодемьянской.

шее в жизни складывается из малого, незаметного. Ты об этом не забывай!» Хорошо сказал, да?

— Очень хорошо! — в один голос ответили мы с Шурой.

— Потом он спросил, — продолжала Зоя: — «Ты читала речь Ленина на Третьем съезде комсомола?» — «Конечно!» отвечаю. «А хорошо её помнишь?» — «По-моему, наизусть». — «Ну, если наизусть, скажи самое памятное место». И я сказала: «И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10—20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодёжь решала

практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую».

— Зоя, а ты не помнишь, когда ты в первый раз услышала о том, что говорил Владимир Ильич на Третьем съезде? — спросила я, почти уверенная, что она не сумеет ответить.

Но я ошиблась.

— Нам рассказывали летом, в лагере, — не задумываясь, ответила Зоя. — Помнишь, у костра...

Потом мы сидели и пили чай, и Зоя вспоминала всё новые и новые подробности того, как её принимали. А собираясь спать, сказала:

— Мне кажется, что в чём-то я теперь стала другая, новая...

ДОМ ПО СТАРОПЕТРОВСКОМУ ПРОЕЗДУ

Беседа с секретарём райкома комсомола не просто запомнилась Зое, она действительно врезалась в память, и каждое слово, сказанное им в тот день — день её второго рождения, — стало для Зои законом.

Зоя всегда, на удивленье, точно и добросовестно выполняла свои обязанности. Но теперь в каждое порученное ей дело она поистине вкладывала все силы и всю душу. Точно теперь она заново поняла: её работа — часть той великой общей задачи, о которой говорил когда-то Владимир Ильич.

Очень скоро после вступления в комсомол Зою избрали группоргом. Она тотчас же составила список комсомольских поручений. «Каждый должен что-нибудь делать, иначе какие же мы комсомольцы?» Список получился длинный и подробный: один отвечал за

учебную работу, другой — за физкультурную, третий — за стенную газету... Дело нашлось всем. Зоя и ещё несколько комсомольцев должны были обучать неграмотных женщин в одном из домов по Старопетровскому проезду.

— Это трудно, — сказала я. — Очень трудно. Да и далеко ходить, а бросить будет неловко. Ты подумала об этом?

— Как ты можешь так говорить? — вспыхнула Зоя. — «Бросить»! Уж если мы взялись...

В первый же свободный вечер Зоя отправилась в Старопетровский проезд. Вернувшись, она рассказала, что её ученица — пожилая женщина, которая совсем не умеет ни читать, ни писать и очень хочет научиться грамоте.

— Подумай, даже подписать своё имя как следует не умеет! — говорила Зоя. — У неё дел по горло — и хозяйство и дети, но учиться она станет, я уверена. Меня встретила приветливо, называла дочкой...

Зоя взяла у меня книгу по методике обучения грамоте и просидела над ней до поздней ночи. Дважды в неделю она стала ходить к своей ученице, и ничто — ни дождь, ни снег, ни усталость — не могло ей помешать.

— Если случится землетрясение, она всё равно пойдёт. Будет пожар — она всё равно скажет, что не может подвести свою Лидию Ивановну, — говорил Шура.

...Однажды я принесла билеты на концерт в Большой зал Консерватории. Исполнялась Пятая симфония Чайковского. Зоя очень любила её, нередко слышала и уверяла, что каждый раз слушает с новым наслаждением. Понятно, она очень обрадовалась билетам, но вдруг как бы спохватилась, вспомнила что-то.

— Мама, а ведь это в четверг! — огорчённо сказала она. — Я не могу пойти. Ведь я по четвергам у Лидии Ивановны.

— Ну, не придёшь один раз, какая трагедия! — вмешался Шура. — Я пойду и предупрежу, чтобы тебя не ждали.

— Нет, не могу.

Так она и не пошла.

— Ну и характер! Ну и характер! — твердил Шура, и в этом возгласе смешались возмущение и невольное уважение к сестре.

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ

Осенью 1940 года Зоя заболела, а после болезни уехала в санаторий. Находился он недалеко, в Сокольниках, и в первый свой свободный день я приехала её навестить.

— Мама! — воскликнула Зоя, бросаясь мне навстречу и едва успев поздороваться. — Знаешь, кто тут отдыхает?

— Кто же?

— Гайдар! Писатель Гайдар! Да вот он идёт.

Из парка шёл высокий, широкоплечий человек с открытым, милым лицом, в котором было что-то очень детское.

— Аркадий Петрович! — окликнула Зоя. — Это моя мама, познакомьтесь.

Я пожала крепкую, большую руку, близко увидела весёлые, смеющиеся глаза — и мне сразу показалось, что именно таким я всегда представляла себе автора «Голубой чашки» и «Тимура».

— Очень давно, когда мы с детьми читали ваши первые книги, Зоя всё спрашивала: какой вы, где живёте и нельзя ли вас увидеть? — сказала я.

— Я — самый обыкновенный, живу в Москве, отдыхаю в Сокольниках, и видеть меня можно весь день напролёт! — смеясь, отрапортовал Гайдар. — Велите ей, чтобы побольше ходила со мной на лыжах. Я боюсь растолстеть, а без компании мне скучно.

Потом кто-то позвал его, и он, улыбнувшись нам, отошёл.

— Знаешь, как мы познакомились? — сказала Зоя, ведя меня куда-то по едва протоптанной снежной дорожке. — Иду я по парку, смотрю — стоит такой большой, плечистый дядя и лепит снежную бабу. Я даже не сразу поняла, что это Гайдар. И не как-нибудь лепит, а так, знаешь, старательно, с увлечением, как маленький. Полепит, отойдёт, посмотрит, полюбуется... Я набралась храбрости, подошла поближе и говорю: «Я вас знаю, вы писатель Гайдар. Я все ваши книги знаю». А он знаешь что ответил? «Я, — говорит, — тоже вас знаю. И я тоже знаю все ваши книги: алгебру Киселёва, физику Соколова, тригонометрию Рыбкина!»

...Аркадий Петрович и Зоя подружились: катались вместе на коньках, ходили на лыжах, вместе пели песни по вечерам и разговаривали о прочитанных книгах. Зоя декламировала ему свои любимые стихи, и он сказал мне при следующей встрече: «Она у вас великолепно читает Гёте. Мог бы слушать всю ночь напролёт».

В другой раз, незадолго до отъезда из санатория, Зоя рассказала:

— Знаешь, мама, я вчера спросила: «Аркадий Петрович, что такое счастье? Только, пожалуйста, не отве-

чайте мне, как Чуку и Геку: счастье, мол, каждый понимает по-своему. Ведь есть же у людей одно, большое, общее счастье?» Он задумался, а потом сказал: «Есть, конечно, такое счастье. Ради него живут и умирают настоящие люди. Но такое счастье на всей земле наступит ещё не скоро». Тогда я сказала: «Только бы наступило!» И он сказал: «Непременно!»

Через несколько дней я приехала за Зоей. Гайдар проводил нас до калитки. Пожав нам на прощанье руки, он с серьёзным лицом протянул Зое книжку:

— Моя. На память.

На обложке дрались два мальчика: худенький — в голубом костюме и толстый — в сером. Это были Чук и Гек.

Обрадованная и смущённая, Зоя поблагодарила, и мы с нею вышли за калитку. Гайдар помахал рукой и ещё долго смотрел нам вслед. Оглянувшись в последний раз, мы увидели, как он неторопливо идёт по дорожке к дому.

Вдруг Зоя остановилась:

— Мама, а может быть, он написал мне что-нибудь!

И, помедлив, словно не решаясь, открыла книжку. На титульном листе были крупно, отчётливо написаны хорошо знакомые нам слова:

«Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся Советской страной».

— Это он мне отвечает, — тихо сказала Зоя.

...Через несколько дней после возвращения из санатория Зоя пошла в школу.

ОДНОКЛАССНИКИ

— Знаешь, — сказала Зоя задумчиво, — меня очень хорошо встретили в школе. Даже как-то удивительно хорошо: тепло, ласково... как-то бережно. Как будто я после болезни стала стеклянная и вот-вот разобьюсь... Нет, правда, было очень приятно видеть, что мне рады, — добавила она после небольшого молчания.

В другой раз Зоя вернулась из школы в сопровождении круглолицей девушки. Она была воплощение здоровья — крепкая, румяная. Про таких хорошо говорится: «наливное яблочко». Это была Катя Андреева, одноклассница моих ребят.

— Здравствуйте, добрый день! — сказала она, сверкнув белозубой улыбкой.

— Катя вызвалась подогнать меня по математике, — сообщила Зоя.

— А почему Шуре не подогнать тебя? Зачем Катю затруднять?

— Видите ли, Любовь Тимофеевна, — серьёзно сказала Катя, — у Шуры нет педагогических способностей. Зоя много пропустила, и ей надо объяснять пройденное очень постепенно и систематично. А Шура... Я слышала, как он объясняет: раз-раз, и готово. Это не годится.

— Ну, раз нет педагогических способностей, тогда конечно...

— Нет, ты не смейся, — вступилась Зоя. — Шура и вправду не умеет так объяснить. А вот Катя...

Катя и в самом деле объясняла умно и толково: не спеша, не переходя к дальнейшему, пока не убедится, что Зоя всё поняла и усвоила. Я слышала, как Зоя сказала ей однажды:

— Ты столько времени на меня тратишь... Мне даже неудобно.

И Катя горячо возразила:

— Да что ты! Ведь пока я объясняю тебе, я так хорошо всё сама усваиваю, что мне не приходится дома повторять. Вот одно на одно и выходит.

Зоя быстро утомлялась. Катя замечала это, отодвигала книгу и говорила:

— Что-то я, знаешь, устала. Давай немножко поболтаем.

Иногда они выходили на улицу, гуляли, потом возвращались и опять садились заниматься.

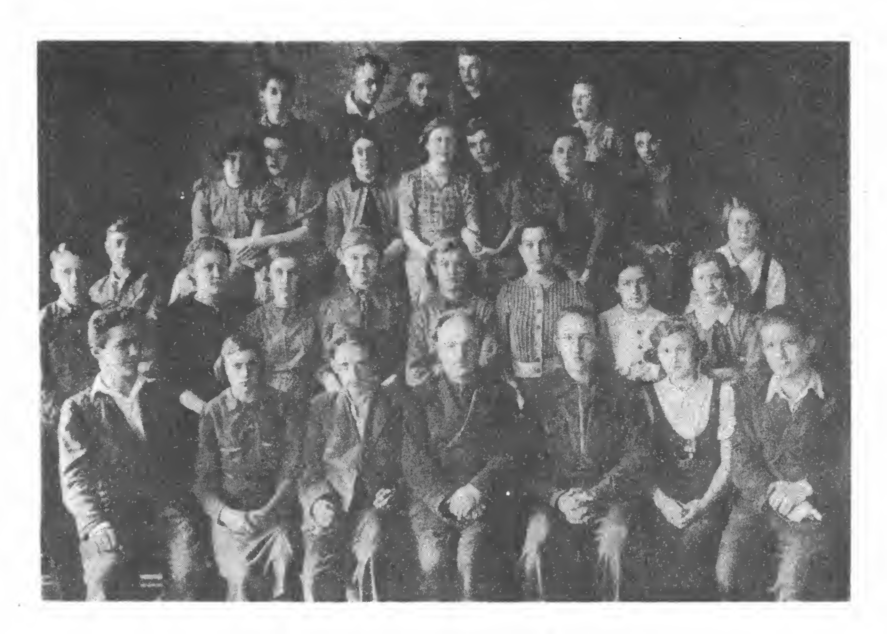
— Может, ты собираешься стать учительницей? — пошутил как-то Шура.

— Собираюсь, — очень серьёзно ответила Катя.

Не одна Катя навещала нас. Забегала Ира, приходили мальчики: скромный, застенчивый Ваня Носенков, страстный футболист и горячий спорщик Петя Симонов, энергичный, весёлый Олег Балашов — очень красивый мальчик, с хорошим, открытым лбом. Иногда заглядывал Юра Браудо — высокий, широкоплечий, сероглазый юноша, ученик параллельного класса. Наша комната наполнялась шумом и смехом, девочки отодвигали учебники — и начинался разговор сразу обо всём.

Как-то Олег, мечтавший стать лётчиком, пришёл к нам прямо из кино, где он смотрел фильм о Чкалове. Он был полон виденным.

— Вот человек! — повторял он. — Не только необыкновенный лётчик, но и человек удивительный. И юмор такой милый. Знаете, когда он в тридцать седьмом году перелетел через Северный полюс в Америку, там репортёры спросили его: «Вы богаты,

Ученики девятого класса 201-й школы.
В первом ряду первый слева — Шура. Во втором ряду третья справа — Зоя.

господин Чкалов?» — «Да, — отвечает, — очень. У меня сто семьдесят миллионов». Американцы так и ахнули: «Сто семьдесят миллионов?! Рублей? Долларов?» А Чкалов в ответ так спокойно: «Сто семьдесят миллионов человек, которые работают на меня, так же как я работаю на них».

Ребята смеются.

А другой раз вспыхнет разговор об Испании, о тех днях, когда все мы жили испанскими событиями, когда слова «Мадрид», «Гвадалахара», «Уэска» звучали, как свои, родные, и от каждой вести с тех далёких фронтов быстрей билось сердце.

БАЛ

Двадцать первого июня 1941 года был вечер, посвящённый выпуску десятого класса. Класс Зои и Шуры решил явиться на этот вечер в полном составе.

— Во-первых, потому, что мы любим наших выпускников, — сказал Шура. — Там чудесные ребята, один Ваня Белых чего стоит!..

— А во-вторых, — подхватила Катя, — мы посмотрим, как у них получится, и в будущем году устроим ещё лучше!

...Вечер был тёплый и светлый. Я вернулась домой поздно, часам к десяти, и не застала ребят — они уже ушли на бал. Немного погодя я снова вышла на улицу, села на крыльцо и долго сидела, наслаждаясь тишиной и свежим запахом листвы. Потом поднялась и не спеша пошла к школе. Мне захотелось хоть издали взглянуть, как веселятся ребята...

Я увидела школу, всю залитую светом. Окна были распахнуты настежь, и в прозрачную тишину летнего вечера вливались задорные звуки мазурки.

Я тихо вошла, огляделась и стала медленно подниматься по лестнице. Всюду были цветы и зелень. В вазах, в кадках и горшках, на полу, на стенах и на окнах, в каждом углу и на каждом шагу — букеты роз и тёмные гирлянды еловых веток, охапки сирени и кружевные ветви берёзы, и ещё цветы, цветы без конца...

Я пошла туда, откуда неслись музыка, смех и шум. Подошла к распахнутым дверям зала и остановилась, ослеплённая: столько света, столько молодых лиц, улыбок, блестящих глаз... Теперь оркестр играл вальс. Мимо меня, легко скользя, проносились пары. Я узнала Ваню — того самого, о котором не раз восторженно и уважительно рассказывал Шура: он был председа-

тель учкома, прекрасный комсомолец, хороший ученик, сын штукатура и сам мастер по штукатурной части, — золотые руки и светлая голова... Увидела я Володю Юрьева, сына Лидии Николаевны, которая учила Зою и Шуру в младших классах. Этот мальчик всегда удивлял меня каким-то очень серьёзным выражением лица, но сейчас он осыпал пригоршнями конфетти пролетавших мимо ребят и весело, совсем по-мальчишески, смеялся. Потом я отыскала глазами Шуру: он стоял у стены, белокурая девушка, смеясь, приглашала его на вальс, а он только застенчиво улыбался и мотал головой...

А вот и Зоя. На ней красное с черными горошинами платье — Шурин подарок. Платье ей очень к лицу. Зоя разговаривала о чём-то с высоким смуглым юношей, имени которого я не знала; глаза её светились улыбкой, лицо разгорелось.

Вальс кончился, пары рассыпались. Но тут же раздался звонкий, весёлый зов:

— В круг! В круг! Все становитесь в круг!

И снова замелькали перед глазами голубые, розовые, белые платья девушек, смеющиеся, раскрасневшиеся лица... Я тихонько отошла от дверей.

Выходя из школы, я остановилась ещё на секунду — такой взрыв весёлого смеха долетел до меня. Потом я медленно пошла по улице, глубоко, всей грудью вдыхая ночную прохладу. Мне вспомнился тот день, когда я впервые повела маленьких Зою и Шуру в школу. «Какие выросли... Вот бы отцу поглядеть!» думалось мне.

Вернувшись домой, я легла. Проснулась я, когда в окне чуть забрезжил рассвет: эта ночь на двадцать второе июня была такой короткой...

Шура стоял подле своей постели. Должно быть,

это его приглушённые, осторожные шаги и разбудили меня.

— А Зоя? — спросила я.

— Она пошла ещё немножко погулять с Ирой.

Вскоре на лестнице зазвучали осторожные шаги. Дверь едва слышно приотворилась.

— Вы спите? — шопотом спросила Зоя.

Мы не отозвались. Неслышно ступая, Зоя подошла к окну и ещё долго стояла, глядя на светлеющее небо.

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Не знаю, со всеми ли так, но мне врезалась в память каждая мелочь, каждая минута этого дня.

В воскресенье 22 июня я должна была принимать последние экзамены в военной школе. Ясным, солнечным утром я спешила к трамваю. Зоя провожала меня.

— Возвращайся сегодня пораньше, — попросила она, — и, если можно, привези чего-нибудь вкусного, хорошо?

Она шла рядом со мной — совсем взрослая девушка, стройная, высокая, с ярким и чистым румянцем на щеках.

Когда я подошла к школе и поднялась на второй этаж, меня поразило, что всюду было как-то не по-экзаменационному пусто и безлюдно. В учительской меня встретил директор.

— Сегодня экзаменов не будет, Любовь Тимофеевна, — сказал он. — Учащиеся не явились, причина пока неизвестна.

Ещё ничего не подозревая, я ощутила где-то глубо-

ко внутри странный холодок. Наши учащиеся — военные, люди образцовой аккуратности. Какая же причина могла задержать их в день экзаменов? Что случилось? Этого пока никто не знал.

Когда я снова вышла на улицу, мне показалось, что стало душно, а на всех лицах появилось неспокойное, напряжённое выражение. Куда девалась утренняя свежесть, приветливое солнце, которое не пекло, а только ласково пригревало, беззаботное, шумное веселье праздничной московской толпы? Все словно ждали чего-то, и ожидание это было томительно, точно перед грозой.

Трамваи проходили переполненные, почти всю обратную дорогу я прошла пешком. Ближе к дому наконец села в трамвай и поэтому не слышала выступления товарища Молотова. Но первое слово, которым встретили меня дома, было то, каким для всех нас разразилась предгрозовая духота этого памятного утра: дети кинулись ко мне, едва я переступила порог, и заговорили разом:

— Война, мама, война!

В первые же дни войны к нам забежал проститься мой племянник Слава. Он был в лётной форме, с крылышками на рукавах.

— Еду на фронт! — сообщил он. Его открытое лицо было так радостно, словно собирался он на праздник. — Не поминайте лихом!

Мы крепко обняли его, и он ушёл, пробыв у нас едва полчаса.

— Как плохо, что девушек не берут в армию! — сказала Зоя, глядя ему вслед. И столько горечи и силы было в этих словах, что даже Шура не решился, по своему обыкновению, пошутить или заспорить.

ОТЪЕЗД

Раз под вечер к нам постучали.

— Можно Шуру? — спросил, не заходя в комнату, высокий светловолосый юноша.

— Петя? Симонов? — удивилась Зоя, вставая из-за стола. — Зачем тебе Шура?

— Надо, — таинственно ответил Петя.

В эту минуту явился сам Шура, выходивший зачем-то из комнаты, кивнул товарищу и, не говоря ни слова, вышел с ним. Мы выглянули в окно: внизу ждали несколько подростков, все — одноклассники и приятели. Они о чём-то потолковали вполголоса, потом всей гурьбой пошли прочь.

— В школу, — задумчиво, про себя сказала Зоя.— Что у них там за секреты?

Шура вернулся поздно вечером. Вид у него был такой же серьёзный и озабоченный, как перед тем у Пети.

— Что случилось? — спросила Зоя. — Почему такая таинственность? Зачем тебя вызывали?

— Не могу сказать, — решительно ответил Шура.

Зоя слегка пожала плечами, но промолчала.

На другое утро она чуть свет убежала в школу и возвратилась взволнованная.

— Мальчиков мобилизуют, — сказала она мне. — Куда и зачем — не говорят. Девочек не берут. Если б ты знала, как я уговаривала их взять меня! Ведь стрелять я умею. И я сильная. Ничего не помогло! Сказали: берут одних ребят.

По разгоревшемуся лицу Зои, по глазам я видела, сколько энергии вложила она в эти тщетные уговоры.

Шура вернулся позднее и спокойно, словно о чём-то совсем обычном, сказал:

— Мам, собери мне, пожалуйста, пару белья. И еды на дорогу. Только много не надо.

Знает ли он, куда их отправляют, — этого мы добиться не могли.

— Если я с первого шага начну болтать, какой же я буду военный? — сказал он твёрдо.

Зоя отвернулась и прикусила губу.

Сборы были несложные. Зоя купила Шуре на дорогу сухарей, конфет, колбасы. Я приготовила бельё и увязала всё в один небольшой узелок. А во второй половине дня мы пошли провожать Шуру.

Часам к четырём на круг в Тимирязевский парк пришло много пустых трамвайных вагонов и началась посадка. Ребята торопливо прощались с родными, шумно занимали места. У тех, чьи матери плакали, были сумрачные, грустные лица. Мне не хотелось омрачать последние минуты, что мы были вместе, и я не заплакала — только обняла Шуру и крепко сжала его руку. Он был взволнован, хоть и старался не показать виду.

— Не ждите, пока мы двинемся, идите домой! Береги маму, Зоя!

С этими словами он вскочил в вагон.

Мы медленно шли по дорожке. Лучи солнца с трудом пробивались сквозь густую листву над головой...

„К ВАМ ОБРАЩАЮСЬ Я, ДРУЗЬЯ МОИ!"

— Мама, скорей, проснись! Мама!

Я открыла глаза. Зоя стояла передо мной босая, с полотенцем через плечо.

— Нет, нет, ничего не случилось, — поспешно ска-

зала она в ответ на мой испуганный взгляд. — Сейчас будет выступать товарищ Сталин. По радио. Вот...

Какой-то шорох в репродукторе. Тишина. И вдруг...

— Товарищи! Граждане! — услышали мы. — Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..

Мы слушали, забыв обо всём, боясь дышать. Зоя вся вытянулась, крепко сжав руки, не отрывая глаз от репродуктора, словно могла в глубине диска увидеть того, кто произносил эти слова, исполненные сдержанной боли, любви и доверия, страстной силы и гнева.

— ...наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом... Враг жесток и неумолим...

Вождь говорил о целях врага, о том, что германский фашизм хочет захватить наши земли, плоды нашего труда, восстановить власть помещиков, закабалить и онемечить свободные народы Советского Союза.

— ...Дело идёт, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, — говорил он, — о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это... Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, всё подчинив интересам фронта... Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и сёла...

Он говорил о том, что в занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, о том, что наша земля должна гореть и взрываться под ногами врага.

Спокойный и сильный голос доходил до самого сердца, в нём звучала такая вера во всех нас — в весь народ и в каждого советского человека. Он напомнил, что мы должны не только уничтожить опасность, нависшую над нашей страной, но и помочь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма.

— ...Все силы народа — на разгром врага! Вперёд, за нашу победу!

Радио смолкло. А мы всё не двигались, не говорили ни слова, точно боялись расплескать огромное чувство, которое владело нами в ту минуту.

С нами только что говорил человек, которому мы привыкли верить, как себе, как своей совести. Он был для нас и вождём и другом. На него мы полагались всегда и во всём. Мы знали, что он сказал сейчас самое важное, самое главное и что обращался он действительно к каждому из нас. Он заставил до конца понять и почувствовать, как огромна опасность, нависшая над нашей Родиной, и как отразить её, заставил по-новому ощутить нашу силу — всю мощь свободолюбивого и единого народа.

— Хотела бы я знать, слышал ли Шура... — сказала я наконец.

— Все слышали, по всей стране, — уверенно сказала Зоя. И тихо, взволнованно повторила: — «К вам обращаюсь я, друзья мои!»

ПРИЕЗД ШУРЫ

Мы сидим с Зоей за столом. Перед нами зелёная грубая материя — мы шьём из неё вещевые мешки. Для фронта. А ещё мы делаем петлички для военных. Пусть

это простая работа, пусть это не такое уж важное дело, но это для фронта. Эти петлички наденет боец — тот, кто защищает нас от врага. Этот мешок тоже для бойца: он положит туда свои вещи, мешок пригодится ему, послужит в походах...

Мы работаем молча, не отрываясь. Изредка я опускаю шитьё и разгибаю спину — она у меня побаливает. И смотрю на Зою. Её тонкие загорелые руки проворны и неутомимы. Работа так и горит в них. Сознание, что и она делает что-то нужное для фронта, если и не освободило Зою от мучительных мыслей, то всё-таки помогло обрести какое-то внутреннее равновесие. Она даже внешне преобразилась: не так сумрачно смотрят глаза, порою и улыбка трогает губы.

Однажды, когда мы сидели за шитьём, дверь отворилась и вошёл Шура.

Вошёл подчёркнуто спокойно, словно просто вернулся из школы, скинул с плеч дорожный мешок и только тогда поздоровался.

Мы уже знали, что он был под Смоленском на трудовом фронте. Но и сейчас, в день возвращения, как и в день отъезда, он ничего не стал нам рассказывать.

— Важно, что я опять с вами, — решительно сказал он, когда я попыталась о чём-то спросить, — а рассказывать мне просто нечего. Очень много работал, вот и всё. — И, хитро прищурясь, добавил: — Я просто вернулся, чтобы справить дома день своего рождения. Надеюсь, вы не забыли про двадцать седьмое июля? Как-никак, шестнадцать исполнится.

А умывшись и сев за стол, он сказал Зое:

— Я знаю, что мы с тобой сделаем. Пойдём на «Борец» учениками-токарями. Ладно?

Зоя опустила шитьё на колени и посмотрела на брата. Потом, снова принимаясь за работу, сказала:

— Ладно. Это будет настоящее дело.

„ЧЕМ ТЫ ПОМОГ ФРОНТУ?“

27 июля, в день своего шестнадцатилетия, Шура сообщил:

— Ну вот, теперь ты — мать двух токарей!

...Они поднимались чуть свет, возвращались с работы поздно, но никогда не жаловались на усталость. Вернувшись из ночной смены, ребята не сразу ложились спать: в такие дни, приходя домой, я заставала их спящими, а комнату — чисто прибранной.

...Жизнь стала совсем иной — суровой и тревожной. Изменился и облик нашей Москвы. Окна перечёркнуты бумажными полосами — у одних решительно, крест-накрест, у других каким-нибудь замысловатым узором. Витрины магазинов забиты фанерой, заложены мешками с песком. Кажется, все дома смотрят исподлобья, хмуро и настороженно. И все мы жили этим новым, грозным, что вторглось в нашу жизнь.

Мы никогда не ложились спать, не прослушав по радио сводку Информбюро, а в те первые недели невесёлые это были сообщения. Зоя слушала их, сдвинув брови, сжав губы, и часто отходила от репродуктора, не говоря ни слова. Но однажды у неё вырвалось:

— Какую землю топчут!

Это был первый и единственный крик боли, который я слышала от Зои за всю её жизнь.

Осенью учащиеся старших классов, а с ними и Зоя, были мобилизованы на трудовой фронт.

...Однажды, когда Зоя вернулась, мы шли с ней по улице, и со стены какого-то дома с большого листа на нас взглянуло суровое, требовательное лицо воина. Пристальные, спрашивающие глаза смотрели прямо нам в глаза, как живые, и слова, напечатанные внизу, тоже зазвучали в ушах, точно произнесённые вслух живым, требовательным голосом:

«Чем ты помог фронту?»

Зоя отвернулась.

— Не могу спокойно проходить мимо этого плаката, — сказала она.

— Ведь ты же ещё девочка, и ты была на трудовом фронте — это тоже работа для страны, для армии.

— Мало, — упрямо ответила Зоя.

Несколько минут мы шли молча, и вдруг Зоя сказала совсем другим голосом, весело и решительно:

— Я счастливая: что бы ни задумала, всё получается, как хочу!

«Что же ты задумала?» хотела я спросить — и не решилась...

ПРОЩАНЬЕ

— Мамочка, — сказала Зоя, — решено: я иду на курсы медсестёр.

— А как же завод?

— Отпустят. Ведь это для фронта.

В два дня она достала все необходимые справки. Теперь она была оживлённая, радостная, как всегда, когда находила решение.

А пока мы с ней шили мешки, рукавицы, шлемы. Во время воздушных налётов она, как и прежде, дежурила

24/IX-1941 г.

Здравствуй, милая мамочка!
Пишу тебе с места, т. е. из совхоза, (около 80 км от Москвы)
куда мы должны были приехать.
Нас поселили в избе всем классом (только девочки)
Сейчас мы все там убрали, привели в порядок
свои вещи, постелили кровати. Милая
мамочка, обо мне не беспокойся. Я о тебе
очень часто вспоминаю и уже скучаю.
Дружу я с Ниной, о которой я тебе говорила
С завтрашнего дня выйдем на
работу, а сегодня будем отдыхать с дороги.
Зоя, тебя крепко любящая.
P. S. О моем питании не беспокойся
карточки нам не нужны Нам будут выдавать
хлеб по списку (600 г в день)

Первое письмо, присланное Зоей с трудового фронта.

на крыше или на чердаке и завидовала Шуре, который у себя на заводе потушил уже не одну зажигалку.

Накануне того дня, когда Зое нужно было итти на курсы, она рано ушла из дому и не возвращалась до позднего вечера. Мы с Шурой обедали одни. Он работал в эти дни в ночную смену и сейчас, собираясь уходить, что-то рассказывал мне, а я едва слушала — такая неотвязная тревога вдруг овладела мною.

Когда он ушёл, я проверила затемнение и села у стола, не в силах приняться ни за какое дело, и снова стала ждать.

Зоя пришла взволнованная, щёки у неё горели. Она подошла ко мне, обняла и сказала, глядя мне прямо в глаза:

— Мамочка, это большой секрет: я ухожу на фронт, в тыл врага. Никому не говори, даже Шуре. Скажешь, что я уехала к дедушке в деревню.

Боясь разрыдаться, я молчала. А надо было ответить. Зоя смотрела мне в лицо блестящими, радостными и ожидающими глазами.

— А по силам ли тебе это будет?.. — сказала я наконец. — Ты ведь не мальчик.

Она отошла к этажерке с книгами и оттуда попрежнему пристально, внимательно смотрела на меня.

— Но почему непременно ты? — спросила я через силу. — Если бы тебя призвали, тогда другое дело...

Зоя снова подошла и взяла меня за руки:

— Послушай, мама. Я уверена, если бы ты была здорова, ты сделала бы то же самое. Я не могу здесь оставаться. Не могу! — повторила она раздельно. Потом добавила тихо: — Ты сама говорила мне, что в жизни надо быть честной и смелой. Как же мне быть теперь, если фашисты уже рядом? Если бы они пришли сюда, я не смогла бы жить...

Я хотела что-то ответить, но она снова заговорила, просто и деловито:

— Я еду через два дня. Достань мне, пожалуйста, красноармейскую сумку и мешок, который мы с тобой сшили. Остальное я сама добуду. Да, ещё: смену белья, полотенце, мыло, щётку, карандаш и бумагу. Вот и всё.

Потом она легла, а я осталась сидеть у стола, чувствуя, что не смогу ни уснуть, ни читать. Всё было решено, и обсуждать это решение уже не приходилось.

...В тот день Шура впервые после целой недели работал в утреннюю смену. Он пришёл усталый и грустный и поел как-то нехотя.

— Зоя твёрдо решила ехать в Гаи? — спросил он.

— Да, — коротко ответила я.

— Ну что ж, — сказал Шура задумчиво, — это хорошо, что она уезжает. Девочкам сейчас в Москве не место...

Голос его прозвучал неуверенно.

— Может быть, и ты поедешь? — добавил он чуть погодя. — Там тебе будет спокойнее.

Я молча покачала головой. Шура вздохнул, поднялся из-за стола и вдруг сказал:

— Знаешь, я лягу. Что-то устал сегодня.

Я прикрыла лампу газетным листом. Шура некоторое время лежал молча, с открытыми глазами и, кажется, сосредоточенно и с недоумением думал о чём-то. Потом повернулся к стене и вскоре на самом деле уснул.

* * *

Зоя вернулась поздно.

— Я так и знала, что ты не спишь, — сказала она тихо. И добавила ещё тише: — Я еду завтра.

И, словно желая ослабить силу удара, погладила мою руку.

Тут же, не откладывая, она ещё раз проверила вещи, которые надо было взять с собой, и аккуратно уложила в дорожный мешок. Я молча, сдерживая слёзы, помогала ей. Так буднично просты были эти сборы, когда стараешься сложить каждую вещь, чтоб она занимала поменьше места, и деловито засовываешь в свободный уголок кусок мыла или запасные шерстяные носки... А ведь это были наши последние, считанные минуты вместе. Надолго ли мы расстаёмся? Какие опасности, какие тяготы, едва посильные порою и мужчине, солдату, ждут мою Зою?.. Я не могла говорить; я знала, что не имею права заплакать, и только в горле всё стоял горький комок.

— Ну вот, — сказала Зоя. — Кажется, всё.

Потом выдвинула свой ящик, достала дневник и тоже хотела положить в мешок.

— Не стоит, — с усилием выговорила я.

— Да, ты права.

И прежде чем я успела остановить её, Зоя шагнула к печке и бросила тетрадь в огонь. Потом присела тут же на низкую скамеечку и тихонько, по-детски попросила:

— Посиди со мной. Я расскажу тебе, как всё было... Только ты никому-никому, даже Шуре... Я подала заявление в райком комсомола, что хочу на фронт. Ты знаешь, сколько там таких заявлений? Тысячи. Прихожу за ответом, а мне говорят: «Иди к секретарю МК». Я пошла. Открыла дверь. Он сразу внимательно-внимательно посмотрел мне в лицо. Потом мы разговаривали, и он то и дело смотрел на мои руки. Я сначала всё вертела пуговицу, а потом положила руки на колени и уже не шевелила ими, чтобы он не

Зоя и Шура Космодемьянские.

подумал, что я волнуюсь. Он сначала спросил биографию: откуда? кто родители? Потом: «Винтовку знаешь? В цель стреляла? Плаваешь?» — «Плаваю». — «А с вышки в воду прыгать не боишься?» — «Не боюсь». — «А с парашютной вышки не боишься?» — «Не боюсь». — «А сила воли у тебя есть?» Я ответила: «Нервы крепкие. Терпеливая». — «Ну что ж, — говорит, — война идёт, люди нужны. Что, если тебя на фронт послать?» — «Пошлите!» — «Иди, подумай. Придёшь через два дня».

Прихожу через два дня, а он и говорит: «Мы решили тебя не брать». Я чуть не заплакала и вдруг стала кричать: «Как так не брать? Почему не брать?»

Тогда он улыбнулся и сказал: «Садись. Ты пойдёшь в тыл».

Тут я поняла, что это было испытание. Понимаешь, я уверена: если бы он заметил, что я невольно вздохнула с облегчением или ещё что-нибудь такое, он бы ни за что не взял... Ну, вот и всё. Значит, первый экзамен выдержала...

Зоя замолчала. Весело потрескивали дрова в печке, тёплые отсветы дрожали на Зоином лице, на руках. Больше света в комнате не было. Долго ещё мы сидели так и смотрели в огонь.

Потом Зоя закрыла догоревшую печку, постелила себе и легла. Немного погодя легла и я, но уснуть не могла.

Я думала о том, что Зоя не скоро ещё будет снова спать дома, на своей кровати. Да спит ли она?.. Я тихонько подошла. Она тотчас шевельнулась.

— Ты почему не спишь? — спросила она, и по голосу я услышала, что она улыбается.

— Я встала посмотреть время, чтоб не проспать, — ответила я. — Ты спи, спи.

Я снова легла, но сон не шёл. Хотелось опять встать, подойти к ней, спросить: может, она раздумала? Может, лучше эвакуироваться всем вместе, как нам уже не раз предлагали? Что-то душило меня, дыхания нехватало. Это последняя ночь. Последняя минута, когда я ещё могу удержать её. Потом будет поздно.

И опять я встала и подошла к ней. Посмотрела при смутном предутреннем свете на спящую Зою, на её спокойное лицо, на плотно сжатые, упрямые губы — и поняла: нет, не передумает.

...Шура рано ушёл на завод.

— До свиданья, Шура, — сказала Зоя, когда он стоял уже в пальто и шапке.

Он пожал её руку.

— Обними деда, — сказал он. — И бабушку. Счастливого тебе пути! Знаешь, нам будет скучно без тебя. Но я рад: в Гаях тебе будет спокойнее.

Зоя улыбнулась и ещё раз обняла брата.

Потом мы вышли. Утро было пасмурное, ветер дул в лицо.

— Давай я понесу твой мешок, — сказала я сквозь слёзы.

Зоя приостановилась:

— Ну, зачем ты так? Посмотри на меня... Да у тебя слёзы? Со слезами провожать меня не надо. Посмотри-ка на меня ещё.

Я посмотрела: у Зои было счастливое, смеющееся лицо. Я постаралась улыбнуться в ответ.

— Вот так-то лучше. Не плачь...

Она крепко обняла меня, поцеловала и вскочила на подножку отходящего трамвая.

„ТАНЯ“

Дни после ухода Зои я помню отчётливо, до мелочей.

Она ушла — и наша с Шурой жизнь вся превратилась в ожидание. Прежде, придя домой и не застав сестру, Шура всегда спрашивал: «Где Зоя?» Теперь его первые слова были: «Письма нет?» Потом он перестал спрашивать вслух, и только в его глазах я неизменно читала этот вопрос.

Но однажды он вбежал в комнату взволнованный и счастливый и, чего никогда не случалось, крепко обнял меня.

— Письмо? — сразу догадалась я.

— Ещё какое! — воскликнул Шура. — Слушай: «Дорогая мама! Как ты сейчас живёшь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мамочка, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, приеду навестить домой. Т в о я З о я».

— От какого числа? — спросила я.

— Семнадцатого ноября. Значит, ждём Зою домой!

И мы снова стали ждать, но теперь уже не так тревожно, с радостной надеждой. Мы ждали постоянно, ежечасно, ждали днём и ночью, всегда готовые вскочить на стук открывшейся двери, ежеминутно готовые стать счастливыми.

Но прошёл ноябрь, прошёл декабрь, подходит к концу январь. Ни писем, ни других вестей больше не было.

Однажды — это было в конце января — я возвращалась домой поздно. Как часто бывает, когда очень устанешь, машинально слушала обрывки разговоров. В этот вечер на улице то и дело слышалось:

— Читали сегодня «Правду»?

— Читали статью Лидова?

И в трамвае молодая женщина с огромными глазами на исхудалом лице говорила своему спутнику:

— Какая потрясающая статья!.. Какая девушка!..

Я поняла, что в газете сегодня что-то необычное.

— Шурик, — сказала я дома, — ты читал сегодня «Правду»? Говорят, там какая-то очень интересная статья.

— Да, — сдержанно ответил Шура, не глядя на меня.

— О чём же?

— О молодой партизанке Тане. Её повесили немцы.

В комнате было холодно, мы привыкли к этому. Но тут мне показалось, что и внутри у меня всё похолодело и сжалось. «Тоже чья-то девочка, — подумалось мне. — И её ждут дома, и о ней тревожатся...»

Назавтра я пошла в райком комсомола: может быть, там что-нибудь знают о Зое?

— Задание секретное, писем может не быть ещё долго, — сказал мне секретарь райкома.

Прошло ещё несколько томительных, нескончаемых дней, и 7 февраля — это число я запомню навсегда, — вернувшись домой, я нашла в дверях записку от Шуры: «Мамочка, тебя просили зайти в райком ВЛКСМ».

«Наконец-то! — подумала я. — Конечно, какое-нибудь известие от Зои, может быть письмо!»

Я мчалась в райком, как на крыльях. Вечер был тёмный, ветреный, трамваи не шли, и я почти бежала, спотыкалась, скользила, падала и снова бежала, и ни одной сторонней горькой мысли не было у меня — я не ждала никаких плохих вестей, я только хотела узнать: когда я увижу Зою? Скоро ли она вернётся?

— Вы разминулись. Идите домой, к вам поехали из МК комсомола, — сказали мне в райкоме.

«Скорее, скорее узнать, когда приедет Зоя!» И я не пошла, а побежала домой.

Я распахнула дверь и остановилась на пороге. Из-за стола навстречу мне поднялись двое: заведующий Тимирязевским отделом народного образования и незнакомый молодой человек с серьёзным, чуть напряжённым лицом.

Шура стоял у окна. Я посмотрела на его лицо, глаза наши встретились, и вдруг я всё поняла... Он рванулся ко мне, что-то опрокинув по дороге, а я не могла двинуться, ноги словно приросли к полу.

— Любовь Тимофеевна, вы читали в «Правде» о Тане? — услышала я. — Это ведь ваша Зоя...

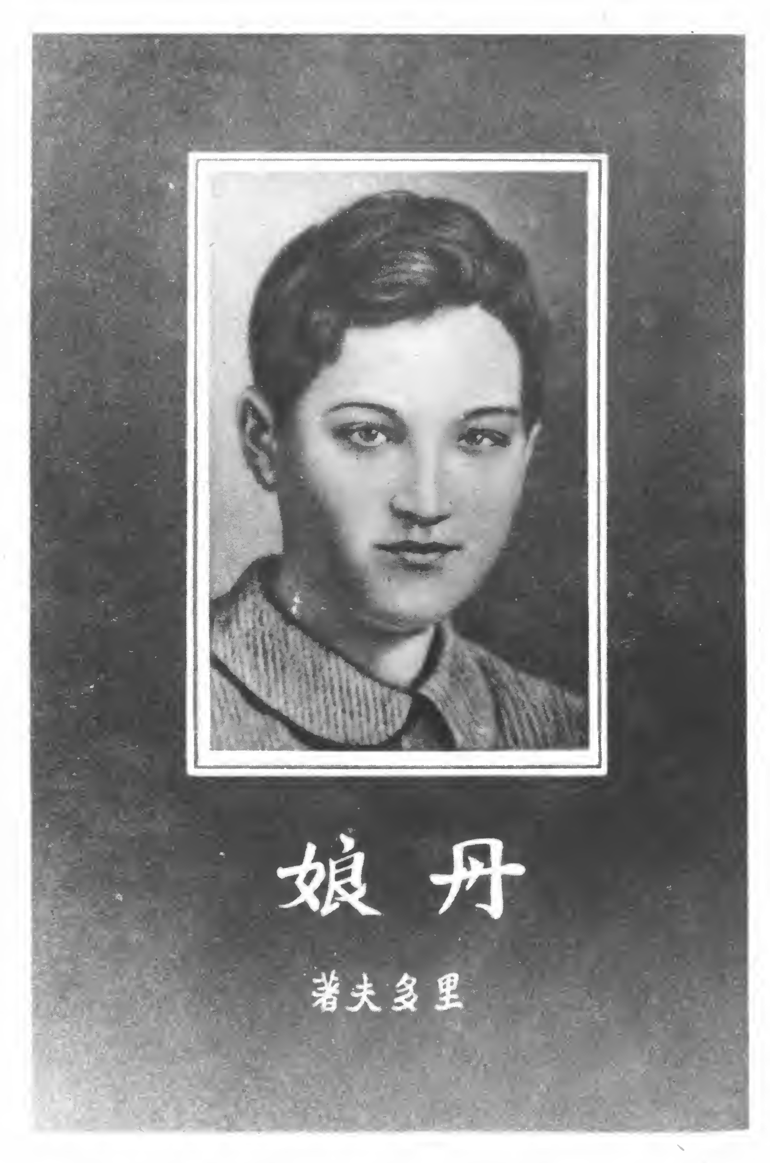
Я опустилась на пододвинутый кем-то стул. У меня не было ни слёз, ни дыхания. Хотелось только скорее остаться одной, и в ушах, в мозгу стучало одно только слово: «Погибла... погибла...»

КАК ЭТО БЫЛО

Через несколько дней, 13 февраля, я поехала в Петрищево. Плохо помню, как это было. Помню только, что асфальтированная дорога к Петрищеву не подходит, и машину почти пять километров тащили волоком. В село мы пришли замёрзшие, оледенелые. Меня привели в какую-то избу, но отогреться я не могла: холод был внутри. Потом мы пошли к Зоиной могиле.

Девочку уже вырыли, и я увидела её... Я стояла на коленях подле неё и смотрела. Я не могла оторваться от неё, не могла отвести глаз...

Ко мне подошла девушка в красноармейской шинели. Она мягко, но настойчиво взяла меня за руку.

Обложка изданной в Китае книги о Зое Космодемьянской.

— Пойдёмте в избу, — сказала она.

— Нет.

— Пойдёмте. Я была с Зоей в одном партизанском отряде. Я вам расскажу...

Она привела меня в избу, села рядом со мной и стала рассказывать. С трудом, как сквозь туман, я слушала её. Кое-что мне уже было знакомо по газетам. Она рассказывала, как группа комсомольцев-партизан перешла через линию фронта. Это было под Наро-Фоминском, недалеко от деревни Обухово. Две недели они жили в лесах на земле, занятой немцами. Ночью выполняли задания командира, днём спали где-нибудь на снегу, грелись у костра. Еды они взяли на пять дней, но растянули запас на две недели. Зоя делилась с товарищами последним куском, каждым глотком воды.

Потом пришла пора возвращаться. Но Зоя всё твердила, что сделано мало. Она попросила у командира разрешения проникнуть в Петрищево. Она подожгла занятые немцами избы и конюшню воинской части. Через день она подкралась к другой конюшне на краю села, там стояло больше двухсот лошадей. Достала из сумки бутылку с бензином, плеснула из неё и уже нагнулась, чтоб чиркнуть спичкой, — и тут её сзади схватил часовой. Она оттолкнула его, выхватила револьвер, но выстрелить не успела. Немец выбил у неё из рук оружие и поднял тревогу.

Девушка — её звали Клавой — замолчала. Тогда хозяйка избы, глядя в огонь печи, вдруг сказала:

— А я могу рассказать, что дальше было... Если хотите...

Я выслушала и её. Но говорить об этом я не могу. Пусть здесь будет рассказ Петра Лидова. Он первый написал о Зое, он первый пришёл в Петрищево, узнав о ней, о том, как её мучили и как она погибла...

Обложка изданной в Албании книги о Зое Космодемьянской.

«...И вот ввели Зою, указали на нары. Она села. Против неё на столе стояли телефоны, пишущая машинка, радиоприёмник и были разложены штабные бумаги.

Командир 332-го пехотного полка 197-й дивизии подполковник Рюдерер сам допрашивал Зою.

Зою спрашивали о том, кто послал её и кто был с нею. Требовали, чтоб выдала своих друзей. Через дверь доносились ответы: «нет», «не знаю», «не скажу», «нет». Потом в воздухе засвистели ремни, и слышно было, как стегали по телу. Через несколько минут молоденький офицерик выскочил из комнаты в кухню, уткнул голову в ладони и просидел так до конца допроса, зажмурив глаза и заткнув уши...

Четверо дюжих мужчин, сняв пояса, избивали девушку. Хозяева дома насчитали двести ударов, но Зоя не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «не скажу», только голос её звучал глуше, чем прежде...

На другой день Зое на грудь повесили отобранные у неё бутылки с бензином и доску с надписью: «Поджигатель». Так и вывели на площадь, где стояла виселица.

Место казни окружали десятеро конных с саблями наголо, больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местным жителям было приказано собраться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Один из офицеров стал наводить на виселицу объектив своего «кодака».

Зоя воспользовалась этим и, обращаясь к колхозникам и колхозницам, крикнула громким и чистым голосом:

— Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом немец замахнулся и хотел то ли ударить её, то ли зажать ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье умереть за свой народ!.. Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен: всё равно победа будет за нами!

Палач подтянул верёвку, и петля сдавила Зоино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь. С нами Сталин! Сталин придёт!..»

Через несколько дней после моей поездки в Петрищево радио принесло известие о том, что Зое посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

...Ранним утром в начале марта я шла в Кремль получить Зоину грамоту. Тёплый весенний ветер дул в лицо. Я думала о том, что стало для нас с Шурой горько привычным, что вторило каждой нашей мысли и каждому шагу: «Зоя этого не увидит. Никогда. И по Красной площади она больше не пройдёт».

Ждать мне пришлось недолго. Вскоре меня провели в большую, высокую комнату. Я не сразу огляделась, не сразу поняла, где нахожусь, — и вдруг увидела, что из-за стола поднялся человек.

«Калинин... Михаил Иванович...» вдруг поняла я.

Да, это Михаил Иванович шёл мне навстречу. Его лицо было так знакомо мне по портретам, не раз я видела его на трибуне мавзолея. И всегда его добрые,

чуть прищуренные глаза улыбались. А теперь они были и строгие и печальные. Он совсем поседел, и лицо его показалось мне таким усталым... Обеими руками он пожал мою руку, потом протянул мне грамоту.

— В память о высоком подвиге вашей дочери, — услышала я.

* * *

...Месяц спустя тело Зои перевезли в Москву и похоронили на Новодевичьем кладбище. На могиле её поставлен памятник, и на его чёрном мраморе высечены слова Николая Островского — слова, которые Зоя когда-то, как девиз, как завет, вписала в свою записную книжку и которые она оправдала своей короткой жизнью и своей смертью: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь, все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества».

ИМЕНИ ЗОИ

...Я люблю бывать здесь, ходить по милым, знакомым коридорам школы, которая носит сейчас имя Зои. Я захожу в классные комнаты. Поднимаюсь на третий этаж и подхожу к дверям класса, в котором учились мои дети.

Я вхожу в этот класс, и со стены смотрят на меня портреты Зои и Шуры.

Я спускаюсь вниз, к малышам. Сажусь за низкую парту рядом с маленькой девочкой и раскрываю хрестоматию для первого класса. На обложке — золотые колосья, голубое небо, сосны: мирная картина родной

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ГЕРОЮ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

[illegible]

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР [illegible] ЗВАНИЕ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Председатель Президиума Верховного Совета СССР [illegible]

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР [illegible]

Москва—Кремль, [illegible] 1942 г.

№ 606/56

Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Зое Космодемьянской звания Героя Советского Союза.

природы. Каждая страница этой книги — гимн мирному труду, родной земле, нашим лесам и водам, нашим людям.

Наша страна распрямила плечи, она строит и созидает, сеет хлеб, льёт сталь, возрождает из пепла сожжённые города и сёла. И она растит новых, прекрасных людей.

Вот эту девочку, что сидит рядом со мной, и всех её подруг, и всех детей по всей Советской стране учат самому светлому, самому разумному — любить свой народ, любить свою Родину. Их учат уважать труд и братство народов, уважать и ценить всё прекрасное, что создано всеми народами земли. Они должны быть счастливыми! Они будут счастливы!

«Зоя». Скульптура М. Манизера.

Так много крови пролито, так много жизней отдано ради того, чтобы им было хорошо, чтобы новая война не искалечила их будущее...

Но торжественно-печальные и строгие слова Сталина: «Вечная память героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины!» должны помнить и помнят все советские люди.

Надо помнить и напоминать нашим детям о пережитом.

Мёртвый не тот, кто в могиле. Мёртв тот, кто позволит возникнуть новой войне.

Самой дорогой ценою — кровью и жизнью своих детей моя страна избавила мир от немецкого фашизма. В ней — надежда человечества.

Я знаю: миллионы сердец, храбрых и честных, сильнее всех атомных бомб на свете.

Вот почему, пересилив свою боль, я постаралась рассказать о своих детях, которые родились и росли для счастья, для радости, для мирного труда — и погибли в борьбе с фашизмом, защищая труд и счастье, свободу и независимость своего народа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Рисунок на обложке
В. ЛАДЯГИНА

Цена 1 р. 20 к.

1 10

ДЛЯ МЛАДШЕГО И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор С. Миримский. Художественный редактор Г. Вебер. Технический редактор М. Кутузова. Корректоры Е. Вильтер и С. Локшина. Сдано в набор 31/V 1951 г. Подписано к печати 16/VIII 1951 г. Формат $60 \times 82^{1}/_{16}$ = = 1,625 бум. л. — 2,967 п. л. (2,15 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. А07503. Заказ № 2684.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.